

Он изначально не был современным человеком, воспитанным в духе открытого образования. Семья Сун из поколения в поколение занималась врачеванием и спасением людей, поэтому в доме царили строгие традиции, предпочтение отдавалось гуманитарным наукам и нравственности. Домашнее воспитание в их семье было гораздо суровее, чем в обычных домах. Даже служанки в особняке без особой нужды не смели наносить макияж. Сун Цинсюй, проживший столько лет, даже близко не сталкивался с близостью с противоположным полом. Более того, воспитанный в духе феодальных канонов, он с трудом воспринимал вид мужчин с обнажёнными руками и ногами, так как же он мог подумать, что женщины сами будут активно добиваться мужского внимания?

Услышав наставления Цзян Мэнлиня, он не только не почувствовал ничего дурного, но и счёл его слова крайне разумными. Стоило знать, Чжан Лина в последнее время постоянно навещала в их общежитие, любила разговаривать с ним и то и дело касалась его рук и ног, что доставляло ему немало беспокойства. Хотя он чувствовал, что если женщина касается его, он должен нести ответственность, характер Чжан Лины совершенно не соответствовал требованиям Сун Цинсюя к будущей супруге.

Поэтому, встретившись взглядом с Чжан Линой, Сун Цинсюй по-прежнему сохранял строгое выражение лица, кивнул ей и спросил Цзян Мэнлиня:

— Ты голоден?

Чжан Лина заставила себя спокойно отвернуться, невольно сжав зубы, затем резко встала и, улыбаясь, обратилась к Чжоу Фукану и остальным:

— Время уже позднее, мне пора. Если я задержусь, командир будет отчитывать. Увидимся в следующий раз!

Чжоу Фукан и другие рассмеялись. Хотя в сердце они прекрасно понимали, почему именно она уходит, на лицах ничего не выказали. Ли Вань встал и сам предложил её проводить. Чжан Лина холодно косилась на Цзян Мэнлиня, который, опустив голову, спокойно читал книгу, уголок её рта дёргался, и, развернувшись, она первой вышла из комнаты. Её уходящая спина казалась до боли растерянной.

Куда же отправилась Сюй Хуасю, сбежав из дома?

Конечно же, в родной город L. Хотя она и жила в городе H у Ли Юэлин, изредка всё же поддерживала связь с бабушкой. Выйдя из дома с большими и маленькими сумками, она попала на улицу, где её сразу же продул холодный ветер, и она мгновенно пришла в себя.

Хотя она немного сожалела о своей неразумной ссоре с тётёй, Сюй Хуасю ни за что не признала бы своих ошибок!

С какой стати? Предвзятость тёти она видела насквозь и давно уже злилась по этому поводу. Обычно в разговорах та то и дело упоминала сына, то университет — да и что тут такого? Неужели она искала повод для самоутверждения за её счёт? Она и не подумает, какие условия в семье Цзян и какие в семье Сюй? Один учится в городе, другой — в посёлке. Разве их можно сравнивать?!

Не говоря уже о том, что она совсем не поддерживала её мечты!

Если бы она действительно искренне желала ей добра, то давно бы забрала её из этой глухой провинции на учёбу. А теперь, когда сельская школа уже загубила её образование, она

принялась суетиться, подыскивать какие-то курсы и дополнительные занятия — явно не желая, чтобы ей жилось хорошо! Не выносит, когда ей спокойно! Если хочется учиться, пусть сама учится!

Когда Цзян Мэнлинь получил звонок из больницы, он находился на верхнем этаже, наблюдая за строевой подготовкой солдат.

Положив трубку, он достал свою одежду, оделся, бросил пальто Цзян Мэнлиня обратно на кровать, схватил сумку и позвонил дяде Бай Шаофэна по материнской линии — Е Луню.

После заключения союза с семьёй Бай Цзян Мэнлинь стал чаще общаться с несколькими родственниками Бай Шаофэна по материнской линии. В этом не было ничего удивительного: компания «Хуаньцю» рано или поздно выйдет на рынок провинции Z, а большинство родственников Бай Шаофэна по материнской линии как раз и занимались бизнесом в этом регионе. Е Лунь, получив звонок, без лишних слов согласился немедленно отправить в городскую больницу несколько сиделок.

Сун Цинсуй, только что закончив руководство тренировкой и вернувшись в общежитие, увидел знакомую фигуру, выходящую из лестничного пролёта. Внимательно приглядевшись, он тут же направился к ней:

— Что случилось? Уже почти вечер, куда ты собрался?

Видя на Цзян Мэнлине лишь тонкую куртку, Сун Цинсуй нахмурился:

— Почему ты так легко одет?

— Ничего страшного, — поспешно ответил Цзян Мэнлинь, потуже укутав шарф и выдыхая холодный пар. — Ты пока побудь здесь, мне нужно вернуться. С мамой что-то случилось.

Сун Цинсуй не смог сразу взять отпуск, поэтому Цзян Мэнлиню пришлось одному успеть на рейсовый автобус до города Н. Сойдя с автобуса, первым делом он помчался в городскую больницу.

— Как она? — добежав до стационара, он увидел, что Е Лунь устроил матушку Цзян в отдельную палату люкс, где три сиделки налаживали оборудование. На больничной кровати матушка Цзян лежала с закрытыми глазами, брови её были судорожно сведены. Цзян Мэнлинь подошёл, заглянул к ней и спросил сиделку, стоявшую рядом.

Молодая сиделка тихо ответила:

— Врач говорит, что всё в порядке. Это обморок, вызванный резким скачком давления. Вероятно, её сильно рассердили. Нужно просто отдохнуть и не слишком волноваться, и всё будет хорошо.

Цзян Мэнлинь кивнул, махнул рукой, отпуская её, и со вздохом сел на стул у кровати.

Глядя на спящее лицо матери, взгляд Цзян Мэнлиня стал холодным. Хотя он не знал деталей, тот факт, что матушка Цзян лежит здесь в одиночестве, а тот, кто у них жил за счёт сына, исчез, давал понять, что произошло что-то неприятное.

В душе у Цзян Мэнлиня было сложно. После переезда в Имперскую столицу связь матушки Цзян с ним всё слабела. Честно говоря, хотя он уже и имел урок прошлой жизни, холодность

матери к нему всё ещё не давала ему покоя.

Иначе он бы не так без колебаний прекратил выплачивать ей деньги на жизнь. Матушка Цзян в его сердце была как куриные хрящи: выбрасывать жалко, а держать — тошнит.

Но как бы он ни хотел преподать ей урок, матушка Цзян всё же была его собственной матерью, и посторонние не смели её обижать!

Цзян Мэнлинь всегда был нетерпим к обидам на своих близких, не говоря уж о том, что тот, кто противостоял ему, уже вступал с ним в конфликт. Что важнее, он сразу же взвесил.

Когда матушка Цзян очнулась от сна, первыми, что она увидела, были опущенные голову сына, дремавшего на стуле.

Слёзы хлынули ручьём, она беззвучно разжала рот и заплакала.

Сын... Сын... Когда же он стал таким худым?

В тот миг, когда она потеряла сознание, ей казалось, что её жизнь вот-вот оборвётся там. Когда же она пришла в себя, перед глазами промелькнула вся её ничтожная жизнь, и она почти впала в отчаяние.

Но в эту секунду ей было всё равно!

Она совершенно не ожидала, что, открыв глаза, первой увидит сына, которого так много раз подводила!

В слёзах матушки Цзян было полным-полно раскаяния. Что же она натворила?!

Родственница, которую она настойчиво приютила, устроила в доме переполох. Она сама, будучи в расцвете сил, спокойно сидела дома, пока её несовершеннолетний сын её содержал!

Она поистине недостойна звания «мать»!

В этот момент матушка Цзян наконец окончательно осознала, насколько глупы были её прошлые пристрастия!

Семья Ли — это бездонная яма! Эта яма уже погубила её жизнь, и теперь она хочет столкнуть туда же своего сына?! Невозможно!

Возможно, «нет худа без добра». Матушка Цзян, хоть и была глубоко ранена ребёнком, о котором так заботилась, теперь по-настоящему поняла, что должна делать.

Вся эта сбродная родня...

Она действительно устала.

Хотя матушка Цзян, кроме некоторой трусости и безграмотности, больших пороков не имела, по крайней мере, её голова всегда была ясной. Даже когда она по-святому приютила этого белого волка, в глубине души она всегда знала, что поступает неправильно.

Просто... у неё не хватало смелости отказаться.

Выросшая под холодными взглядами родных, матушка Цзян никогда по-настоящему не

чувствовала прелести родственных уз. Потому что никогда не получала, она жаждала этого ещё сильнее. Поэтому она всегда была близка с родственниками по материнской линии, надеясь, что те, кто раньше презирал её, однажды обернутся и заметят, что эта стоящая в углу «убыточная девка» тоже нуждается в заботе.

Но теперь матушка Цзян действительно чувствовала себя измотанной. Вся эта гора проблем навалилась на её плечи, а она, чья психика была и так не сильна, больше не хотела молча нести это бремя в одиночку.

<http://bllate.org/book/16657/1526773>